

О СИСТЕМНОСТИ В ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Цветков Г.С.

*Цветков Георгий Семёнович - доктор философии, руководитель,
Центр социальных исследований (SPC) "Pardaugava", г. Рига, Латвия*

Аннотация: угроза уничтожения земной цивилизации будоражит умы, как на Западе, так и в России. Пока ученые разных стран спорят между собой о сценариях конца света, ни одна международная организация, ни одно государство не начали системно заниматься обеспечением безопасности цивилизации как таковой. Национальная безопасность как защищённость интересов личности, общества и государства определяется как местом и ролью страны в системе международных отношений, так и внутренней социально-экономической и общественно-политической обстановкой в стране. Сегодня сама национальная безопасность видится как комплексная системная проблема, которая должна рассматриваться в более широком контексте, а не только как угрозы военного нападения, захвата территории и/или физического уничтожения населения. В настоящее время проблема комплексной безопасности многих стран испытывает настоятельную потребность в поиске новых идей и решений, как и в проведении последовательных, сбалансированных системных преобразований в обществе и государстве. Причём уже представляется бесспорным, что этот сложнейший государственный и общественный процесс требует обстоятельной научной проработки во всех его аспектах.

Ключевые слова: история общества, учение марксизма, национал-социализм, неолиберализм, кризис идентичности, системный анализ истории.

Вступив в новое тысячелетие, человечество обнаружило, что идеи равенства и социальной справедливости не исчезли ни в современной Латвии, ни где-либо ещё. Вместо формирования сбалансированного демократичного гражданского общества власть подминает под свои «гуманистические» неолиберальные ценности экономическую и социальную жизнь людей, часто хватаясь при этом за псевдонаучные изыскания и дискредитируя историю как науку. Политкорректность и толерантность как уважение к чужой позиции в сочетании с установкой на взаимное изменение позиций в результате критического диалога, к сожалению, остаются пока недостижимыми, как для западноевропейских, так и для восточноевропейских стран.

В XX веке в Германии, России, Англии и США были инициированы три грандиозные концепции, призванные объяснить прошлое и предсказать (или даже обеспечить) будущее всего мира. Это либеральная, коммунистическая и нацистская или фашистская концепции [1, с.19]. Причём, по мнению известной антифашистки и писательницы Марион Дёнхофф, последние две были существенно извращены: Адольф Гитлер довёл до абсурда консервативные ценности правых, а Иосиф Сталин – коммунистическую идеологию левых с его «брутализацией» социализма [2].

Нацизм и близкий к нему фашизм виделись Гитлеру как некое начало, возрождающее романо-германский - истинно европейский боевой дух, уже почти утерянный под воздействием финансового капитализма [3]. Они, как форма общественного устройства и идеология, казалось, давали надежду на преодоление классовых противоречий и объединение Европы на основе традиционных консервативных ценностей, осмысленных в каждой стране как исконно национальные. Они объясняли мировую историю в терминах борьбы между государствами, предполагая, что миром будет править одна расово исключительная (арийская) этническая группа людей, силой подчинившая себе остальных. По словам Адольфа Гитлера в «Майн Кампф», «марксистская социал-демократия натравливает социально деклассированные слои общества на собственных сограждан, что... ослабляет нацию...», а сам марксизм, претендовавший на мировое господство, по мнению Адольфа Гитлера, не «пангерманский», а «еврейский проект» [3,4].

И действительно, коммунизм смотрел на мировую историю как на непримиримую борьбу классов, представляя будущий мир в виде единой централизованной социальной системы с исключительным классом неимущих или малоимущих людей, в рамках которой всем гарантированы равенство и справедливость. Коренное различие между нацизмом и коммунизмом было как раз в расизме и ксенофобии – нацизм держался на крайней форме этнической гордыни и нетерпимости, коммунизм же провозглашал равенство и справедливость всем народам, правда, ценой свободы.

В свою очередь, либерализм тоже видел в мировой истории борьбу, но только между свободой и тиранией, рисуя будущее как сотрудничество членов социума при минимальном контроле со стороны центральной власти, достигаемое ценой, так сказать, некоторого неравенства [1, с.19]. Согласно принципам либеральной концепции, человечество тысячелетиями жило под властью деспотических режимов, которые лишали граждан политических прав, экономических возможностей и личных свобод.

Конфликт этих трёх идеологий достиг пика во время 2-й Мировой войны, в результате которой нацистский или фашистский проект потерпел крах и был осуждён Трибуналом. Победители в Нюрнберге и, прежде всего СССР, диктовали условия будущего мира и заставили мировое сообщество осудить нацизм и отказаться от того, что ещё недавно казалось выражением европейских ценностей. Ведь сами бесчеловечные практики

нацизма принципиально не отличались от того, чем привычно занимались европейские народы в колониях. В Америке расовое законодательство просуществовало до 1960-х годов, а антисемитизм с его весьма жёсткими мерами был вообще в многовековой европейской традиции. И нет ничего удивительного в том, что для многих привлекательный национал-социализм так долго не воспринимался как что-то недопустимое.

С конца 1940-х и до конца 1980-х годов мир представлял собой поле битвы, со своими «сдержками и противовесами», между оставшимися двумя проектами: коммунистическим и либеральным. Если Маркс в рамках своего гуманистического проекта говорил о возможности и необходимости снятия «социального отчуждения» человека на пути социалистического преобразования, то в СССР, можно сказать, была создана целая система отчуждения от человека репрессивной государственной машины. Хотя в соответствии с учением Маркса человек является высшей целью развития и должен быть освобожден от всяких форм отчуждения, однако путь к этому освобождению якобы лежит через насилие, через подавление целых классов, через диктатуру [4, с.30].

Несколько десятилетий западные народы пытались обрести новый политический образ на основе части своей культуры, актуализированной европейской либеральной и социалистической мыслью. И они смогли это сделать, смогли создать новую западную идеологию и вновь почувствовать себя вершиной человеческого прогресса. Либерализм стал восприниматься на Западе как альтернатива тоталитаризму, как выстраданный ответ человечества на исторические вызовы, брошенные нацизмом, с одной стороны, и «реальным коммунизмом», с другой. Недопущение тоталитарной власти, претендующей на абсолютный контроль не только за действиями, но и за взглядами и мыслями человека; культ защиты *меньшинств* от незаконного и жестокого произвола агрессивного *большинства*, от любых правовых и практических ограничений по национальному, социальному, имущественному, половому или иным признакам; индивидуальные свободы и, прежде всего, свобода слова и самовыражения, недопустимость контроля над личностью, культ права вообще и презумпция невиновности в частности – таковы прокламируемые современные принципы либеральной демократии [7, с.2].

Восточноевропейские народы, включая Латвию, после Нюрнберга в отличие от западных народов, прошли исторически другой путь. При жёсткой авторитарной советской системе, эмигрировавшей на Запад нацистской коллаборационистской части, тем более, прошедшей лагеря и ссылки оставшейся части - по сути, не коснулась денацификация и чувство «исторической вины», и они после развала СССР ощутили «наркотический вкус» национального возрождения и политического реванша [4, с.31]. Конец «холодной» войны, перестройка с её реабилитациями и разоблачениями, распад СССР, «война исторической памяти», которая развернулась на постсоветском пространстве между национальными государствами - всё это породило масштабное переписывание истории, «срывание масок», «закрытие белых пятен» и т.д. Всё это породило и серьёзный кризис идентичности в постсоветских восточноевропейских странах, когда люди затрудняются с ответами на вопрос «кто мы, зачем мы и каково наше место в мире?», хватаясь за вроде очевидные, но чаще ложные ответы, непременно отвергая аналогичные, тоже не лучшие изыскания соседей [7].

«Мы не стали ярко выраженными демократами, и против мыслящих иначе мы часто думаем даже хуже, чем в Советском Союзе. Это не та демократия, когда мы признаём права других, уважаем думающих иначе и так далее...» - признаёт латвийский политолог Кристиан Розенвалдс [6]. Более того, если мы, например, спросим, к кому россияне относятся хуже – к ветеранам ОУН-УПА в Украине и их балтийским «коллегам» Ваффен СС или к бывшим солдатам Вермахта – к немцам нет ненависти, потому что Германия эту страницу своей истории не прославляет, а напротив, считает её позорной и стремится доказать, что такое никогда не повторится вновь.

После краха советского коммунистического проекта главным путеводителем по прошлому человечества и незаменимой инструкцией к будущему устройству мира стал либеральный сценарий. Согласно принципам либерального проекта, люди борются за свободу, и постепенно, шаг за шагом, свобода отвоёвывает себе место под солнцем. Жёсткие диктатуры сменяются демократиями. Свободное предпринимательство преодолевает экономические ограничения. «На смену стенам, рвам и ограждениям из колючей проволоки пришли широкие дороги, прочные мосты и оживлённые аэропорты» [1, с.20].

Однако после мирового финансового кризиса 2008 года жители разных стран испытали разочарование и в либеральной идеологии. В моду снова вошли «стены и барьеры». Растёт сопротивление иммиграции и торговым соглашениям. Правительства, которые считались демократическими, подрывают судебную систему, ограничивают свободу прессы и называют любую оппозицию популистами или предателями. Авторитарные лидеры в ряде стран экспериментируют с новыми типами нелиберальных демократий или даже откровенных диктатур. Сегодня лишь немногие решатся заявить, что Коммунистическая партия Китая прозябает на обочине истории [1, с.21].

В 2016 году, отмеченном голосованием по «Брекзиту» и избранием президентом США Дональда Трампа, волна разочарования достигла «столпов» либерализма – стран Западной Европы и Северной Америки. Если несколькими годами ранее американцы и европейцы ещё пытались, мягко говоря, под прицелом оружия внедрить либеральные принципы в Ираке и Ливии, то сегодня многие жители Кентукки и Йоркшира считают либеральные идеи вредными и неосуществимыми [1, с.22]. Некоторые из них вдруг вспомнили, что им по

душе старый мир, и они не желают отказываться от своих расовых, национальных или гендерных привилегий. Другие даже пришли к выводу, что либерализация и глобализация – это масштабная афера, дающая преимущества крайне немногочисленной элите за счёт всех остальных.

По мнению президента России Владимира Путина, высказанному в интервью британской прессе, доминирующая либеральная идеология устарела. Президент считает, что либерализм скомпрометирован, элиты оторвались от почвы и утратили корневую связь с народом, что и вызвало рост антиистеблишментных настроений в мире [8]. В 1938 году человечество могло выбирать из трёх глобальных проектов, в 1968-м – из двух, в 1998-м казалось, что восторжествовал один из них, а вот к 2018-му году мы остались ни с чем. Подобно советской элите конца 1980-х, либералы не понимают, почему история отклонилась от предначертанного курса, и у них нет альтернативной теории для объяснения реальности [1, с. 22]. Изменения, происходящие в современном мире, трудно понять и потому, что либерализм никогда не был единым целым. Либерализм ратует за свободу, но понимание свободы зависит от контекста. Так, для одного человека либерализм – это свободные выборы и демократия. Другой убеждён, что либерализм – это торговые соглашения и глобализация. Третий связывает либерализм с признанием однополых браков и разрешением аборт. Либерализм предлагает разные модели поведения в экономической, политической и частной жизни – как на уровне отдельных государств, так и в международных отношениях.

Теперь коснёмся общих вопросов методологии научного исследования и системных аспектов истории как науки. Считается уже давно общепринятым, что научное знание всегда систематично, и сегодняшний вопрос заключается не в том, является ли научное знание системным образованием, а в том, как понимается эта системность на разных этапах развития научного знания, «каковы исторически обусловленные формы интерпретации системности научного знания» [9, с.154].

Это, во-1-х, характерная уже для античных представлений о системности знания некоторая системная модель предмета исследования – *онтологический аспект*. Во-2-х, системность научного знания может анализироваться под углом зрения системности понятий, развитых в той или иной теории, а это уже *гносеологический аспект*. Для нерасчленённых представлений античной мысли «онтология» и «гносеология» неразрывно связаны между собой, и системность бытия обуславливает системность знания. Для философии Нового времени уже характерно разделение онтологического и гносеологического анализа. Наряду с анализом природы как системного образования – *«системной онтологией»*, философии Нового времени свойственна *«системная гносеология»*, в которой фиксируется упорядоченность научных понятий и категорий (*«вещи»*, *«свойства»*, *«отношения»*, *«субстанция»* и др.).

И, в-3-х, системные представления могут получать методологическую форму, где в общем случае речь идёт об определённых *нормах построения систем теоретического или прикладного знания* или в специальных случаях о методологии решения проблемных исследовательских задач.

Такой способ анализа системности научного знания, при котором упор делается на методы *«проектирования и конструирования»* систем со сдвигом в представлениях науки к фиксации точности и отношений между предметами возникает с начала XX века. Естествоиспытатели XX века начинают различать предмет и объект знания и понимать огромную роль моделей в познании и активный *«моделирующий»* характер человеческого знания. Такое *«конструктивное»* понимание предмета знания предполагает специфическую концептуальную систему, решающими компонентами которой оказываются категории *«символ»*, *«функциональное отношение»*, *«элемент»* и др. При этом «элемент» трактуется как относительный член совокупности, определяемый прежде всего его функцией в этой совокупности и обладающий активным отношением к другим элементам [9]. На сегодняшний день уже практически все теоретически мыслящие естествоиспытатели осознают зависимость *«конструирования»* научных систем от поставленной задачи, выбранных понятийных, методологических и инструментальных средств.

Задача истории, как и любой науки – пишет историк и географ Лев Гумилёв – состоит в том, чтобы обозреть изучаемый предмет или объект целиком. Следовательно, нужно найти или выбрать удобную точку отсчёта или позицию для обозрения, и тут возникает необходимость концепции, предваряющей научную практику, то есть, по Гумилёву и Тойнби, *выбор аспекта или модели*. Так, например, Маркс впервые обратил столь серьёзное внимание на аспект и роль экономики в социальной жизни, дав толчок для развития, так называемой, *«экономической истории»* людей.

В свою очередь, в нашем исследовании мы считаем аспекты или модели системными, концептуально – логически или исторически, связываемые с тем или иным системным представлением объекта. Самым объектом могут быть существующие в пространстве и времени *физические вещи или реальность, объективно реальные ситуации* (в т.ч., тело субъекта или он сам в целом, состояние его сознания, другие люди и т.д.), а также *предметы культуры*, включая тексты и присущие им объективные смыслы.

Аспект изучения или некоторая модель не вытекают из того или иного философски-методологического построения, а диктуются исключительно практическими соображениями решаемой задачи и наличным *«техническим инструментарием»*. А основные сомнения, например, у английского историка Арнольда Тойнби – идеально ли подходит выбранная модель для поставленной задачи исследования истории, и нельзя ли будущему учёному посоветовать лучшую? [11, с.30]. Историк должен выбирать и описывать исторически

значимые факты или всё их многообразие, нуждаясь в критериях выбора и языке их описания. Эти критерии в общем случае зависимы от предшествующей концепции - парадигмы или мировоззрения, где, например, единицей истории – духовной действительности принимается *«общественно-экономическая формация»* у Маркса, в одном случае, или так называемая *«прогрессивная цивилизация»* у Тойнби, в другом.

Первая культурно-историческая концепция была впервые декларирована Геродотом, который противопоставил Европу Азии. Здесь под Европой он понимал систему эллинских полисов, а под Азией – персидскую монархию (впоследствии сюда пришлось добавлять и другие культурно-исторические области, в т.ч., Индию и Китай). Вторая концепция или концепция «империй» была сформулирована в Средние века как концепция «четырёх империй» прошлого: ассирийской, персидской, македонской, римской, и пятой – «Священной Римской империи германской нации», возглавившей вместе с папским престолом католическое единство, возникшее на рубеже VIII - IX в. [10, с.187].

Когда в XVI веке Реформация разрушила идеологическое единство Западной Европы и подорвала гегемонию Габсбургской династии, всемирно-историческая концепция устояла и была просто переформулирована как концепция «цивилизаций», под которой понималась культура опять-таки Западной романо-германской Европы, причём православные «схизматики» и бывшие «язычники» были просто переименованы в «дикие» и «отсталые» народы. Эта система «европоцентризма» ещё в XIX веке воспринималась как сама собою разумеющаяся и не требующая доказательств [9, с.188]. Согласно Арнольду Тойнби и его концепции возникновения, роста и распада «цивилизаций», единицами всеобщей истории стали считаться *«общества»*, делящиеся на *«примитивные»* неразвивающиеся и *«цивилизации»* [11, с.25].

Для лучшего понимания всемирной истории и генезиса мировой цивилизации в научной литературе были выделены переходные эпохи, выводящие из одной формации и подводящие к другой. Это *«древность или эллинизм»* как время перехода от Древности к Средневековью (1); *«возрождение или ренессанс»* как время перехода от Средневековья к Новому времени (2); и с середины XIX века – *«переход от Нового времени к Новейшему»* (3). Каждая из трёх эпох открывается придающим «зримость» индикатором эпохи – литературным шедевром, возвестившим о её наступлении. О первой эпохе возвестил трактат *«О граде Божием»* Блаженного Августина, о второй эпохе – *«Божественная комедия»* Данте Алигьери, и о третьей эпохе, незаконченной с первыми полётами человека в космос и на Луну, – *«Коммунистический манифест»* К. Маркса (Н.И. Конрад, Л.Н. Гумилёв) [10,12].

Основное направление исторического процесса уроженец Риги академик Николай Конрад видел в укрупнении народов и расширении *«ареала»* их культуры, одновременно признавая *«полицентричность»* генезиса мировой цивилизации и наличие локальных самобытных черт в развитии народов [12]. Нагляднейшим примером того, как выдающиеся умы своей эпохи умеют видеть исторический процесс и его направление, служит деятельность Маркса и Энгельса, рассматривающих социальную эволюцию как естественно-исторический процесс развития экономических формаций [12]. Однако и сегодня остаётся «больной» вопрос Льва Гумилёва: *«...не является ли наше время – эра технической цивилизации – особой эпохой, к которой неприменимы закономерности, открытые при изучении истории, а не современности?»»* [10, с.238].

«Нечего и говорить - пишет академик Конрад - что наше понимание прошлого зависит от объёма и уровня наших знаний. Но то и другое всегда относительно, всегда исторично. Что можем мы сейчас... сказать о нашем знании прошлой истории человечества? Только то, что оно очень велико, гораздо больше того, что люди знали во второй половине XIX века во время К. Маркса и Фр. Энгельса...». Глубокий анализ общих закономерностей и особенностей исторического развития стран Азии и Европы позволил академику «осудить» «европоцентризм», содержащийся в работах многих европейских учёных [12,13].

Вступив в новое тысячелетие, человечество обнаружило себя в ситуации, подобной которой не было никогда. Перед человечеством во весь рост встала огромная задача поиска выхода из надвигающихся кризисов роста народонаселения и ограниченности ресурсов, загрязнения среды и изменения климата, глобализации и др. Для их решения мыслителями разных направлений и стран предложены разные пути. Как российский пример, системность и историзм мышления позволили философу - естественнику Владимиру Вернадскому создать систему, так называемого, естественнонаучного «антропокосмизма» или «русского космизма», перейдя от «геохимии» к «биосфере» и, далее, к «ноосфере» Земли и «ноосферному мировоззрению» [14].

Ноосферное мировоззрение и само учение Владимира Вернадского и Тейяра де Шардена о ноосфере как сфере разума, возникшей на определённой стадии эволюции биосферы, в качестве главной своей аксиомы признают особую роль человека во Вселенной как существа, обладающего разумом и волей, жизнь которого имеет смысл и предназначение, а не является пустой игрой стихийных сил природы [14,15]. Естественно, мировоззрение академика Вернадского исходило из того, что наука, религия и философия суть три фундаментальные формы Разума. А одна из первых попыток синтеза научного и религиозного миропонимания принадлежит не понятому современниками христианскому учёному и философу Тейяру де Шардену [15]. В этой связи другой социальный мыслитель и историк Макс Вебер обосновал, что возникновение и развитие западноевропейского капитализма в значительной степени связано с появлением религии протестантизма. Протестантизм, как и старообрядчество, учит, что богатство, нажитое праведным

трудом, является богоугодным, что человек должен полагаться, прежде всего, на себя, на свою энергию и предприимчивость, что религиозно оправданным является такое использование капитала, когда он не транжируется, а вкладывается в дело [16,17]. Сложилась, казалось бы, парадоксальная ситуация, старообрядцы – традиционалисты, консерваторы, противники всяких реформ – в экономической сфере оказались новаторами. Они перенимали передовые европейские технологии, использовали современное оборудование и, преследуемые властью, стали процветающим сословием в царской России, то есть, государственные гонения могут давать и такой неожиданный результат. Причину подобных результатов и различного поведения представителей вероисповеданий следует искать – пишет Макс Вебер - как во внутреннем устройстве (уставе) вероисповедания, так и в его внешнем историко-политическом положении [16].

Наш современник и выдающийся специалист в области истории и географии Лев Гумилев предложил еще одну специфически системную теорию исторического процесса. Согласно Гумилеву, главными в истории являются те процессы, которые как бы объединяют биологические и социальные явления. Каждый народ может быть рассмотрен в качестве такого объекта как «этнос», то есть, как «сплав» общих генетических особенностей, передаваемых по наследству, и определенной культуры, наследуемой, так сказать, социально, которая биологически по наследству не передается, но усваивается новыми поколениями через традиции, предания, другие способы усвоения и обучение.

Книга Гумилёва «Этногенез и биосфера Земли» была подготовлена к изданию в 1979 году, но как теория отвергнута советской официальной наукой, хотя хорошо объясняет многие эпизоды истории народов Земли. Так, в результате раскола в русском этническом поле при возникшей 4 века назад украинской греко-католической церкви получилось то, что Лев Гумилёв называет «этнической химерой» (*по аналогии с химерами в зоологии*). «Это не просто соседство и не симбиоз, а химера, т.е. *сочетание в одной целостности двух разных несовместимых систем*» [10, с.380]. При этом надо помнить, что, например, украинский этнос складывался во многом насильственно, по воле сменяющих друг друга властей. Линия разлома, отделяющая греко-католический запад от православия, проходит по центру Украины уже несколько столетий.

Коммунисты в СССР искренне полагали, что все народы растворятся в такой новой исторической общности людей как «советский народ», но этногенез – процесс длительный, а искусственно можно сотворить лишь химеру, что, видимо, и получилось с Украиной [18]. Русская народная история (или «*общерусская народная стихия*») видному историку XIX века Николаю Костомарову, в отличие от государственника Николая Карамзина, виделась как история противоборства двух начал – федералистского, вечевоего или майданного, и государственного, самодержавного. Поздние проявления первого начала «прошлой русской свободы» Костомаров видел в народных бунтах и казатчине. «Мы симпатизируем им, - утверждал Костомаров, - поскольку они являются выражением стремления к свободе, но успех их, доведись им одержать победу, стал бы лишь другим выражением того же начала, против которого они боролись». Самодержавное начало Москвы, на «украинофильский» взгляд Костомарова, чудовищно – и в то же время исторически неизбежно, только такие безнравственные как Иван Грозный государственные люди Москвы могли достичь исторического успеха. Однако «мысль об отделении малой России от империи - отмечал Костомаров - в одинаковой степени нелепа, как мысль о самобытности всякого удельного княжения, на которые когда-то разбивалась Русская земля» [18].

По мнению Гумилёва, украинский этнос состоит из девяти субэтносов, различающихся и по ландшафту обитания, и по времени вхождения в Украину, и даже по этническому субстрату (*Буковина, Подолия, Полесье, Закарпатье, Галиция, Северская земля, Крым, Новороссия и Слобожанщина*). При таком раскладе гражданское противостояние на востоке Украины было неминуемо. Вопрос о статусе русского языка стал лишь поводом, как, например, ущемление православия во времена Речи Посполиты. Химеры, созданные в русском этническом поле при помощи поляков и австрийцев на западе и большевиков (коммунистов) на востоке соединились и после распада СССР «рванули» как мощная бомба [10,18].

Увы, такое положение вещей укоренилось, видимо, всерьёз и надолго. С тех пор как навязываемая для всей Украины галицко - бандеровская националистическая идеология признана чуть ли не официальной доктриной государства, почти каждый стал бандеровцем, независимо от национальности, родного языка и культурных предпочтений. Население целого Донбасского региона – *Слобожанщина* – именуется «сепаратистами» и «ватниками». «Восточная Европа становится всё сильнее похожа на Россию: авторитарная, узколобая, расистская... настало время осознать неприятную вещь: таким западным ценностям, как либерализм, толерантность и равноправие, противостоят восточные никчемности – расизм, невежество и узколобость» (*такой вывод, например, делает немецкий леволиберальный журналист и бизнесмен Екаб Аугштайн*) [19].

Германия, единственной из западноевропейских стран, испытала в XX веке все три идеологические направления – консервативное Гитлера, советское социалистическое и англо-саксонское либеральное. Однако первые два, по мнению графини Марион Дёнхофф, были существенно извращены: консервативное – Адольфом Гитлером, доведя до абсурда все ценности правых, а идеология левых (*Восточной Европы - ред.*) – Иосифом Сталиным с его советской «брутализацией» социализма [2,20].

Тотальное господство партийной номенклатуры в СССР после Сталина, формализм в идейно - теоретической подготовке коммунистов и отрицание «ревизии» как общепринятой научной процедуры

неизбежно превращали марксистско-ленинскую теорию в догматизированную систему воззрений, оторванную от реальностей как жизни, так и науки [4,21]. Прорыв всей этой громоздкой и угрюмой плотины, сковывавшей естественное течение общественной и духовной жизни страны, произошёл в апреле 1985 года. Однако декларируемый новый нравственный статус социализма обернулся не только политической смертью для авторитарной идеологической системы, порождением которой был, например, Михаил Суслов или у нас в Латвии Альфред Рубикс, но и гибелью самого СССР [4,20].

В результате осталась доминирующая либеральная идеология глобальной рыночной экономики с претензией на исключительность или даже единственность. Однако сегодня неолиберальная система уже явно не справляется с ситуацией в мире. Пределы глобализации достигнуты. Международные институты и глобальная финансовая система не обеспечивают стабильного поступательного развития [4,8]. В то время как либеральный Запад провозгласил новыми ценностями фактический отказ от христианства, мультикультурализм и глобализацию, Россия, как *«наследница византийского принципа культурной мозаики и равноправия культур»*, защищающая христианство, традиционные ценности и вступающая в противостояние с агрессивным исламом, начинает выглядеть привлекательно [4, с.36]. То, что Европа есть не что иное, как сумма Римской империи, греческой культуры и христианской религии – не новость, а общеизвестный факт. В этой ситуации вариант для Европы – это возвращение «забытых» конституцией ЕС ценностей христианства, которыми исторически обосновано социальное государство. Если либерализм предполагает приоритет такой ценности, как свобода, социализм – социальной справедливости, то консерватизм, в отличие от либерализма и социализма, не содержит в себе готовых ценностей.

Главная проблема консерватизма – самоопределение и неоднозначность вектора его развития. Ведь в одном случае мы имеем дело с вектором консервативного либерализма (*либерализма с консервативной стилистикой*), а во втором – с консервативным социализмом, пытающимся соединить идеи традиционных ценностей (*в т.ч., православия*) и социальной справедливости. Однако речь идёт не о конкретной традиции, привязанной к некоей эпохе, а о связи разных эпох и непрерывности исторического, социального и религиозного опыта народа [24,25]. Нам всем предстоит искать этот «системный баланс» свободы, справедливости и эффективности в условиях кризиса идеологии либерализма. Причём идеологию будущего нельзя рассматривать в отрыве от природоподобных техноэкономических и биотехнических факторов, их эффективности и безопасности как своеобразного «экологического консерватизма». И эти серьёзные вызовы времени учёным – обществоведам нельзя сводить к упрощённому анализу *«марксистского наследия»*, совершенно справедливо предупреждая о тупиках как *«оголтелого либерализма»*, так и *«классического ортодоксального марксизма»* [20]. Глобальная безопасность может быть обеспечена только через международное право как производное от морально - нравственной базы человечества, если о таковой можно говорить.

Факты нашего времени указывают на необходимость сочетания социалистических и капиталистических начал, принципов планового и рыночного хозяйствования. Умелая их комбинация и в общем случае этот «баланс свободы, справедливости и эффективности» приводит к решению наиболее важных задач развития общества: повышению духовной свободы граждан и всестороннему развитию личности, равенству и социальной справедливости, эффективности и высоким темпам экономического роста.

Практика социализма XX века и последующий ход мировых событий подтвердили также справедливость ряда воззрений полемизирующих с Марксом критичных умов, наиболее выдающимися из которых были П.А. Кропоткин, М.А. Бакунин и А.И. Герцен [27]. Яблоком раздора стало то, что они ставили под сомнение основополагающие идеи Маркса о классовой борьбе и диктатуре пролетариата. Горячо сочувствуя рабочим Французской революции 1848 г., Герцен видел их не только распевающими «Марсельезу», но видел и то, как они грабили и поджигали дворцы и особняки.

В одном из писем Председателю СНК Ульянову-Ленину П.А.Кропоткин писал: *«Бросаться в красный террор, а тем более брать заложников... недостойно социалистической революционной партии и позорно для её руководителей.... Открыть эру красного террора – значит признать бессилие революции... Полиция не может быть устроительницей новой жизни. А между тем, она (полиция) становится теперь верховной властью в каждом городе и деревушке. Куда это ведёт Россию? К самой злостной реакции!»* [27].

За годы после смерти Маркса теория коммунизма как сменщика капитализма практически нигде не подтвердилась. История показала, что претворение в жизнь идеи диктатуры пролетариата чревато диктатурой отдельных личностей и групп, попранием демократических свобод или даже тоталитаризмом. В статье «Коммунизм» Михаил Бакунин ещё в 1843 году писал: *«Это не свободное общество, не действительно живое объединение свободных людей, а невыносимое принуждение, насилием сплочённое стадо животных, преследующих исключительно материальные цели и ничего не знающих о духовной стороне жизни...»*. *«Государство, даже коммунистическое, о котором мечтают последователи Маркса... поручая своей бюрократии заведовать обработкой земли и выплачивать заработок крестьянам... привело бы к ужасной неурядице, к плачевному расхищению и к гнуснейшему деспотизму»* [27,26]. Маркс упрекал Бакунина в *«панславизме»* - желании объединить все славянские народы против основных европейских государств, а Бакунин обвинял Маркса в *«пангерманизме»*. Тем не менее, в написанном в 1871 г. эссе «Мои отношения с

Марксом» Бакунин признавал: «Маркс – человек очень большого ума и учёный в самом широком и серьёзном смысле этого слова» [27]. Категория «общественно-экономической формации» Маркса, вместе с материалистическим пониманием истории, явилась, пожалуй, главным «системным продуктом» конкретного научного анализа различных типов общества с их историзмом и целостностью охвата (*хотя вопрос обособо «азиатского способа производства» остаётся марксизму неясным до сих пор*). Пока жив капитализм, жив и марксизм, что не исключает дальнейшей трансформации капиталистического общества, пересмотра и ревизии важнейших положений марксистской теории, как и коррекции самого формационно-исторического подхода Маркса при выработке новой идеологии государства. «Именно крушение (советского - *ред.*) социализма в самом его торжестве, — писал С.Л. Франк, — образует какой-то многозначительный поворотный пункт в духовной жизни человечества, ибо вместе с социализмом рушатся и его предпосылки — та гуманистическая вера в естественную доброту человека, в вечные права человека, в возможности устройства земными человеческими средствами земного рая, которая в течение последних веков владела всей европейской мыслью» [23].

Марксов проект гуманизма в своих основаниях несет определённую ответственность за бесчеловечные результаты его практического применения и нуждается в критическом переосмыслении, поскольку тесно связан с определённым пониманием человека, условий его порабощения и его освобождения. Однако это не может служить основанием для отрицания первоначальных гуманистических устремлений этой концепции, а принятие новой перспективы гуманизма связано с глубинными трансформациями современной цивилизации и, вопросом выживания или гибели самого человека. Нам всем предстоит искать для нашего современного и, прежде всего, для европейского общества «*системный баланс свободы, справедливости и эффективности*» в условиях кризиса идеологии либерализма. Причём, повторим ещё раз, идеологию будущего нельзя рассматривать в отрыве от природоподобных техноэкономических и биотехнических факторов, их эффективности и безопасности (*ядерная энергетика, биогенная инженерия, ноосферная реальность и др.*).

В 1975 году усилиями академика Бонифация Михайловича Кедрова и других учёных были изданы архивные рукописи и материалы Владимира Ивановича Вернадского «Пространство и время в живой и неживой природе» и «Научная мысль, как планетарное явление». Они заставили нас вновь вернуться к космогонии таких учёных как Владимир Вернадский, Тейяр де Шарден, Циолковский и Чижевский, где эволюция планеты рассматривается как эволюция единого целостного планетарного живого организма, имеющего вокруг планеты единую сферу живого космического вещества.

Однако эволюция человеческого разума, к сожалению, не движется по тем принципам, которые вытекают из обобщений, сделанных Вернадским и другими космологами. Человечество устремляется в колоссальные концентрации мегаполисов с их опасными техногенными воздействиями. Сохранение атмосферной и водной оболочек планеты, а также геологических ресурсов Земли находится под угрозой. Накапливается всё больше противоречий в процессах эволюции и становится очевидным, что классическая формула создания ноосферы в космическом пространстве, в которой человеческий разум сумеет изменить космопланетарные природные свойства биосферы в пользу сохранения жизни и эволюции человека, не подтверждается практикой. Перед человечеством во весь рост встала задача поиска выхода из надвигающихся кризисов, как социальных (*углубление социального неравенства, миграция больших масс населения, распад традиционных семейных отношений, рост агрессии во всём мире*), так и природных (*изменения климата Земли и здоровья людей, рост числа аномальных явлений и увеличение сейсмической активности Земли, увеличение углекислого газа и сокращение кислорода в атмосфере и др.*) [4,5].

Неравномерность распределения «биохимической энергии живого вещества биосферы» (В.Вернадский) за историческое время, среди прочего, могла отражаться на поведении этнических коллективов в разные эпохи и в разных регионах. У всех людей, по Гумилёву, имеется странное влечение к истине - *стремление составить о предмете адекватное представление, красоте - тому, что нравится без предвзятости, и справедливости - соответствию морали и этики* [10, с.399]. Возможный эффект, производимый вариациями этой энергии, им описан как особое свойство характера людей и назван *пассионарностью* (от латинского слова *passio* – *страсть*). Стоит также вопрос о том, что живое вещество может поглощать неизвестные потоки энергии. Можно думать – пишет Лев Гиндилис - что появление физического вакуума в современной научной картине мира и изучение его свойств являются важным шагом на пути грядущего преобразования науки, на пути её проникновения в «тонкие миры» и овладения «тонкими энергиями» [22, с.33].

Технические возможности нашей цивилизации в принципе позволяют осуществить грандиозные глобальные проекты, но этому мешает множество противоречий между государствами. Крупнейшие страны мира стремятся к мировому доминированию, и это отвлекает правящие элиты от решения проблем, создаваемых природными изменениями. Бесконечно далёкий космос неожиданно оказался рядом с нами и своими воздействиями непрерывно напоминает о себе. Ведь космонавты уже точно знают, что в космосе есть жизнь, на поверхности МКС в 400-х километрах от Земли были обнаружены колонии живых бактерий, споры и межзвёздная пыль. Необходимы космическое мировоззрение, единая стратегия человечества и глобальные решения [4, 5].

Список литературы

1. *Харари Юваль Ной*. 21 урок для XXI века. Пер с англ. Ю.Гольдберга. Москва, «Синдбад», 2019. 416 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.sindbadbooks.ru/ (дата обращения: 06.11.2019).
2. *Дёнхофф Марион* (Doenhoff Marion Grafín). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.marion-doenhoff.de/> (дата обращения: 06.11.2019).
3. *Центфенниг Барбара* (Zehnpfennig Barbara). Spurensuche in Hitlers Buch "Mein Kampf": Anleitung zur Welteroberung. Passau: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.amazon.de/Hitlers-Mein-Kampf-Eine-Interpretat/> (дата обращения: 06.11.2019).
4. *Цветков Г.С.* Марксизм и системные аспекты истории современного общества // Наука, образование и культура. Москва, 2019, № 2 (36). С. 29-39: [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://www.scienceproblems.ru/> (дата обращения: 06.11.2019).
5. *Картунова Л.С., Цветков Г.С.* Глобальные изменения климата Земли: потепление или похолодание? // Наука, образование и культура. Москва, 2019. № 2 (36). С. 53-63: [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://www.sciecerproblems.ru>
6. *Розенвалд Кристиан* (Rozenvalds Kristians). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://imhoclub.lv/user_abgut/1165/
7. *Аболиньши В.К., Цветков Г.С.* Россия Латвией шагнула в Европу? Признания социалистов // Наука, образование и культура. Москва, 2018. № 3 (27). С. 70-80. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sciecerproblems.ru/> (дата обращения: 06.11.2019).
8. *Юрьев Дмитрий*. Либерализм не имеет никакого отношения к свободе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vz.ru/opinions/2019/7/4/985334.html/> (дата обращения: 06.11.2019).
9. *Огурцов А.П.* Этапы интерпретации системности научного знания // Системные исследования. Изд. АН СССР, Москва, 1974. С. 154-186.
10. *Гумилёв Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Соч. Т. 3, Минск, 1997. 640 с.
11. *Тойнби А.Дж.* Исследование истории (Возникновение, рост и распад цивилизаций). Пер. с англ. Кожурин К.Я. АСТ Москва, 2009. 670 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.library.khpg.org/files/docs/1446489707/>(дата обращения: 06.11.2019).
12. *Конрад Н.И.* Запад и Восток. О смысле истории // Альманах «Восток». № 6 (18). Июнь, 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.situation.ru/apl/j_artp_450.htm/ (дата обращения: 06.11.2019).
13. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. Москва, 1991. 271 с.
14. *Шарден де Тейяр*. Феномен человека. Москва, 1987.
15. *Вебер Макс*. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. Москва, СПб, «Центр гуманитарных инициатив», 2017. 656 с.: e-mail: unikniga@yandex.ru
16. *Барановский К.* Тайная империя старообрядцев // Русская история. № 6(21), 2019, с. 10-11. Режим доступа: e-mail: rushistory@p-c.ru
17. *Виноградов Павел*. Русская болезнь украинства // Секретные материалы XX века. № 8(472), 2017, с. 2-3: e-mail: sales@xfile.ru
18. *Аугштайн Екаб* (Augstein Jakob). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.spiegel.de^Impressum/> (дата обращения: 06.11.2019).
19. *Цветков Г.С.* «Самолквидация Германии» в книге Тило Саррацина и эхо Нюрнберга // Наука, образование и культура. Москва, 2017. № 8 (23). С. 76–84. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sciecerproblems.ru/> (дата обращения: 06.11.2019).
20. *Цветков Г.С.* К. Маркс и В. Ленин в мире. О решении современных социальных проблем в материалах международных конференций и съездов // Наука и образование сегодня. Москва, 2018. № 6 (29). С. 44 – 50. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sciecerproblems.ru/> (дата обращения: 06.11.2019).
21. *Гиндилис Л.М.* Научное и метанаучное знание. Москва. «Дельфис», 2012. 576 с.: e-почта: delphis@delphis.ru
22. *Франк С.Л.* Духовные основы общества .Введение в социальную философию // Русское зарубежье: Из истории социальной и правовой мысли. Ленинград, 1991. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://libking.ru/books/religion/414016-semen-frank/> (дата обращения: 06.11.2019).
23. *Можегов Владимир*. Вечный Рим против идеологии нового Карфагена. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vz.ru/opinions/2019/10/25/1004849.html/> (дата обращения: 06.11.2019).
24. *Щипков Александр*. На пути к новому русскому консерватизму// Литературная газета. № 46 (6667). С. 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lgz.ru/> (дата обращения: 06.11.2019).
25. *Цаголов Георгий*. Даже гении предвидят не всё // Литературная газета. № 49 (6670). С. 12-13. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lgz.ru/> (дата обращения: 06.11.2019).
26. *Бакунин Михаил*. Коммунизм. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.novsu.ru/npe/files/um/1412/bg/shell/arh/istoch/Bakunin%20M.%20Коммунизм.htm/ (дата обращения: 06.11.2019).